

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена
Петербургский институт иудаики

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В XX ВЕКЕ

Материалы международной научной конференции

Санкт-Петербург
2006

Алина Новожилова (Санкт-Петербург)

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ДНЕВНИКИ З. Н. ГИППИУС: О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ ДНЕВНИКОВОГО ТЕКСТА

Все известные в настоящее время дневники Гиппиус, которые она вела в различные периоды жизни, опубликованы в отечественных изданиях последнего времени по автографам рукописей РГБ, РНБ, ИРЛИ, РГАЛИ. Они фиксируют «течение жизни», «воскрешая атмосферу» событий более полувека (1893—1940 гг.).

Петербургские дневники — наиболее важная в концепции эволюции творчества писательницы ступень. Здесь объемно выражена жизненная и мировоззренческая позиция Гиппиус, ее реализация взглядов на Россию, религию, писателей-современников. В этом дневнике отражена ее попытка соединить разные виды творческого повествования, пересекающиеся и всегда присущие ей (публицистика, критика и др.).

Записи Петербургских дневников фиксируют жизнь Петербурга периода 1914—1919 гг. Первая часть этого дневника, первоначально именуемая как «Современная запись-1»¹ была опубликована при жизни писательницы как «Синяя книга» (1929), затем дважды переиздавалась в США с предисловием Н. Берберовой (Нью — Йорк 1982 г. и 1990 г.) как «Петербургский дневник». Структура дневниковых форм Петербургских дневников состоит из нескольких уровней (отдельных книг), каждый из которых одновременно и самостоятелен, и является хронологически составной частью следующего уровня (следующей книги).

История создания дневников непростая. Первая запись дневника («Синяя книга») относится ко дню начала Мировой войны — 1 августа 1914 г. Последняя запись петербургских дневников («Серый блокнот») сделана 23 декабря 1919 г. На следующий день З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, их ближайший друг, долгие годы проживший ними под одной крышей — Д. В. Filosofov и секретарь Гиппиус — В. А. Злобин уехали из Петрограда, а через несколько недель навсегда покинули Россию.

Петербургские дневники стали одним из самых волнующих, страшных документов эпохи первой мировой и гражданской войн. Это записи самой драматической и поворотной эпохи русской истории XX столетия. Дневник в силу самого жанра пронизан ощущением катастрофизма, тем самым представляя собой несомненный историко-литературный и текстологический интерес.

Перед нами не обычный дневник, который пишется «в стол», а текст Петербургских дневников, который готовился в публикацию и подвергался редакторской правке рукой самой писательницы. Доказательством тому

¹ ОР РГПБ Ф. 481 (Мережковские) д. 3

служит помета «Для заграничного издания» на авторизованной машинописи¹, намеренная правка рукописи и сопровождающие дневник «предыстория» с пояснениями причин публикации «*страшного отчета*», а также подробное описание внезапного исчезновения рукописей и их внезапного возвращения к Гиппиус за границу.

Во вступительной статье к Нью-Йоркской публикации (1990 г.) «Петербургского дневника» Н. Н. Берберова указывает на «податливость на каждый непроверенный слух», на то, что Гиппиус «видела все в преувеличенном объеме и связывала в одно — Ленина и каннибализм, Ллойд Джорджа и дьявола, издателя Гржебина и ворованные ценности Эрмитажа»². Как нам кажется, это скорее не «податливость», а жесткий отбор слухов, подтверждающих и соответствовавших миропониманию Гиппиус. Кроме того, в подробной «Истории моего Дневника» Гиппиус, будто предвидя некоторые обвинения в свой адрес, отмечает, что помнит как «*из осторожности, преуменьшала, скользила по фактам, — а не преувеличивала. Я вспоминаю недописанные слова, вижу надстрочные буквы. Для меня эти скользкие строки — налиты кровью и живут, — ибо я знаю воздух, в котором они рождались. Увы, как мало они значат для тех, кто никогда не дышал этим густым совсем особенным, по тяжести, воздухом.*»³.

Мы можем согласиться с тем, что Гиппиус нередко спешила с оценками событий и слухов и не всегда могла преодолеть своего пристрастного отношения к ним. Но обвинять ее в подтасовке фактов — серьезных оснований нет: просмотренные нами материалы газет 1917–1918 гг. (в том числе цитируемые и пересказанные по-своему в дневнике для подтверждения и уточнения фактов) воссоздают образы России и Петербурга подчас с еще более безжалостной и фантастической интонацией.

Событийная структура Петербургских дневников З. Н. Гиппиус многопланова: изображение текущих событий в Петербурге, событий, происходивших непосредственно перед глазами автора, огромное количество персоналий (от известных политических деятелей, ученых, врачей, писателей, современников Гиппиус до мирных горожан) с характеристиками и комментариями писательницы, ссылки на всевозможные информационные источники о происходящих событиях, анализ текущих событий в городе, у Думы, посетители их квартиры и телефонные звонки к ним. «*Фактам я даю, однако, предпочтение. Но избегаю всего, известного через «третьи руки». Говорю об очевидном и о том, что знаю непосредственно от очевидцев*»⁴.

Во многом Петербургские дневники составляют несомненную ценность для восстановления исторических фактов, ведь именно истории и её современности посвящен дневник Гиппиус этих лет, где запечатлены события и

¹ ОР РГПБ Ф. 481 (Мережковские) Д. 3. Л. 1.

² З. Гиппиус. Петербургские дневники 1914–1919 гг. — Нью — Йорк — Москва, 1990. — Вступительная статья Н. Н. Берберовой. — С. 16.

³ Гиппиус З. Н. История моего дневника. Черная книжка // Русская мысль / Под ред П. Струве. — Кн. 1 и 2. — София, 1921. — С. 148. (Далее ссылки даются по этому изданию)

⁴ ОР РГБ ф. 481 (Мережковские) д. 3 л. 2.

люди «по минутам». Подобные установки определили характер материала, попадаемого в дневник — лишь те слухи и факты, которые подтверждали описываемое, все остальные, которые не укладывались в идеологию Межрежковских — отменялись.

Обращает внимание тот факт, что в дневнике сложно найти информацию о каких-нибудь культурных явлениях, о деятельности издательств, о новых книгах, о спасении архитектурных ценностей, о заседаниях литературных кружков. Наоборот, она подробно описывает — разгоны демонстраций, закрытие газет, запрещение литературных вечеров, казни, аресты, избиения на улицах, расстрелы, смерть — именно это является содержанием эпохи, и дневника Гиппиус — текста, максимально наполненного жизненной реальностью.

Находясь в центре событий, являясь непосредственным свидетелем истории, Гиппиус обращает внимание своего будущего читателя на то, что она находилась в самом эпицентре событий, что оказалось очень «выгодным» для ведения дневниковых записей: *«Пункт, с которого довелось мне наблюдать события, очень благоприятен. И даже вдвойне благоприятен внутренне и внешне»*. Под так называемым «внутренним» наблюдательным пунктом она имеет в виду «цвет русского культурного общества», из которого вышли все деятели февральской революции, и не разделяя всех на профессиональные круги называет их «политиками», указывая на общность интересов. Внешним «географическим» пунктом она называет — нахождение их квартиры в центре Петербурга, у здания Думы (ул. Сергиевская (ныне Чайковского), д. 83):

«Мы следили за событиями по минутам — мы жили у самой решетки парка в бельэтаже последнего дома одной из улиц, ведущих ко дворцу. Все шесть лет — шесть веков — я смотрела из окна или с балкона, то налево, как закатывается солнце в туманном далеке прямой улицы, то направо, как опускаются и обнажаются деревья Таврического сада. Я следила, как умирал старый дворец, на краткое время воскресший для новой жизни, — я видела как умирал город... Да, целый город, Петербург, созданный Петром и воспетый Пушкиным, милый, строгий и страшный город — он умирал»¹.

Сведения, записанные в дневнике, Гиппиус получала из самых разных источников, в первую очередь из газет. Она широко использует информацию из «Нашего века» (бывшая «Речь», где сотрудничал Д. Философов), «Новые ведомости» и «Вечерний звон», в которые нередко писала сама, из «Дня», «Дела народа», из «Русских ведомостей» — реже, т. к. газета выходила в Москве. Систематически, но без доброжелательства (что не раз упоминается в ее дневнике), она просматривает «Новую жизнь», издававшуюся М. Горьким и кругом близких ему писателей, регулярно просматривает коммунистическую прессу — «Красную газету», «Известия», «Правду» — делает выписки в дневник, чтобы уяснить себе официальную большевистскую точку зрения на события:

¹ История... «Черная книжка», с. 143.

«Газеты все задушены, даже «Рабочая»; только украдкой вылезает «Дело Чернова (ах, как он жаждет, подпольно, соглашательства с большевиками!), да красуется, помимо «Правды», эта тля — «Новая жизнь» (29 октября 1917г.);

«Газета «День» превратилась в «Ночь» — после первого закрытия» в «Темную Ночь» — после второго; вышла «Полночь» — после третьего. После четвертого — «В глухую ночь», а потом совсем захлопнули. Сегодня вышла Однодневная газета — писателей, а днем был митинг. Протест против удушения печати»¹ (26 ноября 1917г.);

«Интересное «совпадение»: утром Горький написал в «Новой Жизни» статью о «Речи», кончил так: смотрите, вот она, контрреволюция! Вечерние газеты едва успевали это отметить — через несколько часов «Речь» была закрыта «за контрреволюционное направление» (28 апреля 1918); «Рассказы о вчерашних расстрелах заранее опоенных красногвардейцев, их уличная пальба по рабочим — это нечто неподклонное перу» (6 января 1918г.).

Она фиксировала в дневник все, что считала важным.

В газете «Вечерний звон», выходящей в Петрограде, в разделе под названием «Петербургский дневник», Гиппиус часто публиковала свои короткие заметки и стихи. Небольшие фрагменты записей из своих Петербургских дневников, например о смерти Плеханова, были опубликованы в газете («Новые ведомости, 5 июля 1918г.).

В ее дневниках можно найти и отголоски событий, происходивших в Таврическом дворце, и сцены из жизни узников Петропавловской крепости, и речи уличных ораторов, и сплетни, и слухи. «Слухи» — характерная черта жизни и массового сознания того времени. Помимо этого, Гиппиус старается отделить «слухи» от того, что ей сообщали осведомленные лица. Что касается слухов — они были распространены и «официально» приняты на страницах периодической печати того времени. В газете «День» («Новый день») даже велась постоянная рубрика «Вести и слухи» — возможно, использование слухов на страницах дневника Гиппиус — это определенный знак времени. Так, 17 февраля (2 марта) она записала: *«А сегодня странный факт: упала бомба с аэроплана на углу Гороховой и Фонтанки. Есть раненые (что не слух, а факт). С какого аэроплана? Уверяют, что с немецкого. Я не верю, это бессмысленно. Если же не с немецкого, то — с нашего?»* («Черные тетради», 17 февраля 1917г.). Через несколько дней «Красная газета» напечатала объяснение этому факту: *«(...) Никаких неприятельских аппаратов и также цепелинов над городом Петроградом и его окрестностями не было. Несчастный случай, происшедший 2 марта на Фонтанке около дома 83,*

¹ «Черные тетради», запись 26 ноября 1917г. «День» выходил с 1912 г под другими названиями: «Новый день» (19–21 ноября 1917), «Ночь» (22–23 ноября), «Полночь» (24–25 ноября), «В глухую ночь» (25–26 ноября), «Грядущий день» (28–30 ноября 1917 и 6 января 1918); Отчет об этих событиях см. «Грядущий день». 1917. 28 ноября (12 декабря). С. 3, а также коллективное обращение, опубликованное в газете, подготовленной З. Гиппиус. Текст копии сохранился в архиве Д. Философова, который в мае 1919г. Сделал надпись на конверте: «Письмо доставлено мне с оказией, от Кишкина. Письмо рукою Кишкина. Кажется, в какую-то газету это попало 28 ноября, помнится, газета не вышла. Д. Ф.» — см. ОР РНБ. Ф.814 (Философов). Д.151.

объясняется следующим образом. Наш аппарат, возвращаясь с разведки, был принят за неприятельский, и по нему был открыт огонь из батареи: несколько снарядов, неразорвавшихся в воздухе, падали обратно на землю и разрывались от удара. Таким образом получалась картина, якобы летящий аппарат сбрасывает бомбы¹.

Приведем пример еще одного известного «слуха». В дневнике Гиппиус описывает наступивший в Петрограде голод. Люди говорили (*«ходили слухи»*), что на рынках продают мясо расстрелянных. После известного факта расстрела демонстрации в подъезде Учредительного собрания 5 января 1918 г. (случай также зафиксирован в дневнике), начались расстрелы офицеров, дворян, интеллигенции. В качестве примера Гиппиус рассказывает о расстреле известного профессора-юриста Б. В. Никольского, тело которого, как объявили сыну, скормили зверькам Зоологического сада вблизи Петропавловской крепости. Это *«объявление так подействовало на мальчика что он четвертый день лежит в бреду. (Имя комиссара я знаю)»*². Возможно, подобное «событие» не считалось чем-то исключительным в такую страшную историческую эпоху. Поэтому и в своем дневнике Гиппиус называет жизнь в Петрограде — «кровавым колесом», потому что *«каждый день лишний день именно большевистской власти — лишний год позора России»*.

Вчитываясь в записи дневника нетрудно заметить, что нередко автор пересказывает репортажи и фельетоны из «Нашего века» («Речи»), «Красной газеты», «Нового дня», «Вечернего звона», «Русских ведомостей», «Правды» и многих других изданий.

В тексте дневника Гиппиус упоминает о закрытии газет, цитирует причины закрытия, нередко снабдив их своими комментариями. Меняется и ее интонация: от ранних, первых записей, в которых она говорит о *запрете некоторых газетных изданий*, перечисляя названия газет, пытается объяснить причины закрытия, описывает реакцию людей; до последних записей — о *полном их закрытии*, максимально лаконичных и без описаний каких-либо подробностей закрытия, но с «комментариями» Гиппиус и ее оценкой происходящего:

«Газеты социалистические, но антибольшевистские, вышли под цензурой, кроме «Новой Жизни», остальные запрещены. В «Известиях» (Совета) изгнана редакция, посажен туда больш. Зиновьев. «Гол. Солдата» — запрещен. Вся «демократия», все отгородившиеся от б-ков и ушедшие с пресловутого съезда организации, собрались в Гос. Думе. Дума объявила, что не разойдется (пока не придут разгонять, конечно!) и выпустила № «Солдатского Голоса» — очень резко против захватчиков. Номер раскидывался с думского балкона. Невский полон, а в сущности, все «обалдевши», с тупо раскрытыми ртами. В Думе и Некрасов, ловко не попавший в бастион.» («Синяя книга», 27 октября 1917 г.)

«Безумно скучные слухи из Москвы. Большевики там, конечно, буйствуют, расстреливают, газеты закрыли сплошь и «навсегда» (даже «Русские ведомости»)». («Черные тетради», 27 марта 1918 г.)

¹ «Немецких аппаратов не было» // Красная газета. — 9 марта 1918 г. — № 37.

² История... «Черная книжка». С. 181–182.

«В Москве уже нет ни одной [выделено — З. Г.] газеты. Запрещены «вплоть до торжества советской власти» (sic). Какого же им еще «торжества?» «Русские Ведомости» и «Русское Слово» ликвидировали дела, сотрудники уехали в Киев.

Из петербургских еще живы только «Речь» и «Листок», да 2–3 вечерних. Но жизнь их считается минутами. Нет сомнения, что будут ухлопаны» («Черные тетради», 21 июля 1918 г.).

Автор приводит в дневнике содержание газетных статей, в которых отображены определенные происшествия дня. Как один из примеров, можно привести запись от 8 июня 1918 г. («Черные тетради»), в которой Гиппиус рассказывает как А. Н. Иоффе (видный петроградский меньшевик) возвращался домой в одном автомобиле с Зиновьевым с предвыборного митинга на Обуховском заводе. Далее Гиппиус пересказывает в дневнике его показания следователю, опубликованные в газете «Наш век» (от 21 (8) июня 1918 г.) следующим образом: *«Около убитого на тротуаре стояла Зорина и беспомощная кучка народа. Но проезжал Зиновьев с Иоффе (не берлинским). Их остановили. Зиновьев вышел, бледный, постоял.*

— Иоффе, вы должны что-то сделать...

И уехал. Иоффе, с помощью рабочих, перенес тело в автомобиль (какой? Зиновьев свой не оставил) и увез. Начались попытки «оцепить» местность. Удалось весьма нескоро. Вообще все делалось медленно. Повальные обыски ни к чему не привели. Результатов пока нет».

Одним из основных элементов дневника Гиппиус является «многоголосие», присутствие и множественность людей, их точек зрения, увиденное и пересказанное ими. Мы видим, что важнейшими из информационных источников являются также «непрямые» источники, т. е. те, очевидцем которых Гиппиус не была и узнавала их только из устных пересказов. Во многом именно «чужое» слово становится одним из важных информационных источников для записей в дневниках. Гиппиус не раз указывает на то, что их квартира, еще с начала века, была одним из центров духовной жизни Петербурга. К кругу их близких относились близкие знакомые, не раз посещавшие квартиру — видные поэты и писатели, юристы, врачи, видные политические и общественные деятели, все, кого Гиппиус часто называла «цветом русского культурного общества».

После событий Октября круг близких (в том числе и информаторов) стал резко сужаться. Например, А. Ф. Керенский сразу же исчез, в том числе и со страниц дневника Гиппиус, А. В. Карташев, почти член семьи до Октябрьских событий, занимавший во Временном правительстве должность министра исповеданий — был арестован, остальные — скрывались от ареста. Многие эмигрировали, многие уехали в далекие провинциальные города, в которых было более спокойно и не так голодно. В ноябре 1917 г. кадетские лидеры были объявлены «врагами народа», эсеры, большинство из которых были избраны в Учредительное собрание (среди них друзья Мереж-

ковских — супруги Фондаминские¹), стали выезжать из Петрограда вскоре после его разгона, в начале 1918 г. Так же к числу потерь теперь относились вчерашние близкие друзья — ныне ставшие «перебежчиками» (знаменитый список «перебежчиков» также существует в петербургских дневниках²). В таких случаях отношения вообще прекращались.

Сужение круга знакомых было постепенным и в течение первого полугодия после Октября оно еще не слишком резко сказывалось на объеме представленных в Дневнике сведений, но с каждым месяцем это становится все более ощутимым. Постепенно в дневнике реальной информации становится все меньше (особенно после закрытия большевистских газет летом 1918 г.), а рассуждений автора, и ее комментариев и оценок — все больше. На таком катастрофическом фоне разрывов отношений, потерь старых связей, исчезновений и привычных источников информации, на первый план в дневнике выходит фигура сравнительно недавнего знакомого Мережковских, их соседа — Ивана Ивановича Манухина: «Он, и жена его, люди, с которыми мы действительно вместе, почти не разлучаясь физически и душевно, пережили годы петербургской трагедии»³. И. И. Манухин, известный врач, после Февральской революции принял должность при Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством для расследования деятельности бывших сановников, в связи с чем он часто бывал в Петропавловской крепости, где содержались арестованные царские министры⁴. На его докторском попечении были министры Временного правительства, оппозиционные деятели, журналисты, политические лидеры. Как врач, он считал своим долгом помогать всем, кто бы ни обратился к нему за помощью в трудную минуту, он всегда был чужд узости партийных установок, не умел помогать только большевикам или только кадетам: «При всех обстоятельствах моей жизни я никогда не забывал, что люди прежде всего люди: правые, левые, сановники, прислуга, богачи и бедняки... все равно: болезнь, страдания и смерть равняют всех»⁵. Манухина пускали в тюрьмы и он смело пользовался возможностями не только лечения, но и передачей новостей. Кроме того, со многими видными деятелями эпохи, в том числе и большевиками, Манухин был связан просто как практикующий врач. Он пользовался доверием среди людей такого широкого круга общения, был хорошо осведомлен в самых различных подробностях жизни в Петрограде: от тюремного быта до мельчайших деталей заседаний большевистского ЦК. Многими узанными фактами он делился с З. Гиппиус, и его рассказы и впечатления часто ложились на страницы дневника, занимая в тексте существ-

¹ Фондаминский (псевдоним — Бунаков) Илья Исидорович, в дневнике часто называемый «Илюша» — 1880—1942 — публицист, видный эсер. В 1917 г. — комиссар Временного правительства на Черноморском флоте. Член Учредительного собрания. С 1919 г. В эмиграции. Погиб в фашистском концлагере. Его жена — Амалия Осиповна, сблизилась с Гиппиус в 1906—1907 гг.

² См. запись в части дневника: «Черные тетради», 11 января 1918 г.

³ История... С. 151.

⁴ Об этих посещениях также упоминается в дневнике А. Блока за 1917 г.: Блок А. А. СС. — Т.7. — М.-Л., 1963.

⁵ Манухин И. И. Воспоминания о 1917—1918 гг. // Новый журнал. — 1958. — № 54. — С. 95.

венное место. Так, в тексте «Черных тетрадей» часто встречаются ссылки на рассказанные факты И. И. Манухиным, например: «Сегодня, в крепости, Манухин, при комиссаре-большевике Подвойском, разговаривал с матросами и солдатами», далее в красках передавался диалог Манухина с солдатом («Черные тетради», 18 ноября 1917 г), или «Манухин уже видел сегодня Шнеура-Шнеца, члена первой мирной делегации к германцам... в крепости! Пухлые черные усы над губой, к щекам закручены, вид Альфонса, в полковничьем мундире, орден.» («Черные тетради», 27 ноября 1917 г.). Иногда упоминание о нем или о его рассказах, свидетелем которых он был, фиксируются в дневнике несколько раз в течение дня.

Изложение событий часто влечет обвинения Гиппиус в лживости, клевете, умолчании. Вокруг дневников Гиппиус до сих пор существует много споров, исправлений, дополнений. Тем не менее, эти записи ценны, во многом именно своей субъективностью, т. к. это частный взгляд на историю, повествование не только о подневном течении личной жизни, но и о том, какой ее видит автор и как воспринимает. Освещение фактов и людей Гиппиус именно в дневниковом жанре проливает свет на ее яркую индивидуальность, ее патриотизм, силу и глубину ее убеждений, лояльностью по отношению к своему общественному долгу — «делу освобождения России от большевиков». При всем обилии и разнообразии вовлеченных в текст дневника материалов, в композиционном отношении важной лирической чертой является свойственное Гиппиус единство видения мира, свое, неповторимое, растворенное во всех художественных деталях и частностях целого. Это как бы та «лирическая сила», которая объединяет огромный материал Петербургских дневников в единое органическое целое.

Лесная текстология:

труды III летней школы
на Карельском перешейке по текстологии
и источниковедению русской литературы

Под ред. А. Кобринского

Подписано в печать 12.09.06

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Newton.

Печать трафаретная. Усл. печ. л. 9,25. Тираж 500 экз. Заказ № 313

Издательско-полиграфический центр
Санкт-Петербургского государственного университета
технологии и дизайна

Отпечатано в ИПЦ СПГУТД
Санкт-Петербург, ул. Моховая, 26
тел./факс (812) 275-8449